18+

№ 1

ВАМПИРЫ С МАРСА!

ОНИ ПРИШЛИ ЗА НАШЕЙ КРОВЬЮ!

JAY SHARP

Jay Sharp

Вампиры с Марса!

«Издательские решения»

Sharp J.

Вампиры с Марса! / J. Sharp — «Издательские решения»,

Джек Миллер хотел закончить смену в пиццерии. Профессор Харгроув — связаться с Марсом. Повезло только профессору. Над городом появляются летающие тарелки, а Бетти Картер похищают пришельцы. Пока Джек и Харгроув затевают безумную спасательную операцию, Бетти ищет способ вернуться на Землю. Но у обитателей красной планеты на людей свои планы. Космический ужас, кровавый pulp и чёрный юмор в духе кино категории «Б».

© Sharp J.
© Издательские решения

Содержание

ВАМПИРЫ С МАРСА! 6
Глава 1. Пиццерия Rocket Pizza 7
Глава 2. Сигнал 18
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Вампиры с Марса!

Jay Sharp

© Jay Sharp, 2026

ISBN 978-5-0071-6724-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВАМПИРЫ С МАРСА!

Jay Sharp

Глава 1. Пиццерия Rocket Pizza

К десяти вечера Rocket Pizza пахла тремя вещами: горячим сыром, моющим средством и усталостью.

Последняя из них не была предусмотрена меню, но именно её Джек Миллер ощущал сильнее всего.

Он стоял у стойки, опираясь локтями на отполированную до липкого блеска поверхность, и следил, как секундная стрелка настенных часов ползёт к десяти. На кухне кто-то с грохотом ставил противень в раковину. Из старого радиоприёмника у кассы шла песня, которую за вечер успели прокрутить уже дважды. Неоновая вывеска с ракетой над окном то загоралась целиком, то теряла одну букву и превращала ROCKET PIZZA в ROCKET PIZA.

Джек считал это предупреждением.

— Если никто не войдёт в следующие четыре минуты, — сказал он, — я официально объявлю вечер успешным.

— Ты говорил это десять минут назад, — отозвался Том с кухни.

— Тогда это был предварительный прогноз.

Том высунулся из-за перегородки, вытирая руки о фартук.

— А сейчас?

— Научное заключение.

— Каллахану понравится.

При упоминании хозяина Джек выпрямился.

Мистера Каллахана в зале не было. Это означало либо что им всем необыкновенно повезло, либо что он где-то в подсобке придумывал, как усложнить простое действие до уровня национальной программы.

Обычно второе.

Джек ещё раз посмотрел на часы.

Три минуты.

Он уже мысленно снимал бумажный колпак, уже представлял прохладный ночной воздух и дорогу домой, когда дверь в подсобку распахнулась.

— Господа!

Том прикрыл глаза и чуть заметно поморщился. По его лицу ясно читалось: ну началось.

Джек посмотрел на часы.

— Две минуты сорок семь секунд, — сказал он. — Почти.

Мистер Каллахан вышел в зал, держа перед собой лист бумаги так, будто только что получил телеграмму из Вашингтона.

Он был невысоким человеком лет сорока пяти, слегка полноватым, в круглых очках и с широкими усами почти на всю верхнюю губу. В тёмных волосах уже пробивалась седина, белая рубашка натягивалась на животе, а лицо почти всегда сохраняло выражение добродушного воодушевления. Каллахан искренне верил, что любая новая идея способна изменить будущее, особенно если её можно было как-нибудь связать с пиццей.

— У нас заказ, — объявил он.

Том молча снял фартук.

— Мы закрываемся, — сказал Джек.

— Через две минуты.

— Через одну пятьдесят восемь.

Каллахан посмотрел на часы, потом на Джека.

— Тем более.

— Как именно это работает в нашу пользу?

Каллахан положил лист на стойку.

На нём был написан адрес в соседнем районе и заказ на большую пиццу с пепперони.

Джек посмотрел на бумагу, потом на хозяина.

— Они знают, где мы находимся?

— Разумеется.

— Тогда почему они не здесь?

Каллахан подался к нему через стойку и понизил голос. Судя по довольному лицу хозяина, уйти вовремя уже не получится.

— Потому что, Джек, — сказал он, слегка понизив голос, — времена меняются.

Том уже шёл к задней двери.

— Спокойной ночи.

— Том, — сказал Каллахан.

— У меня нет машины.

— У тебя есть велосипед, — с внезапным энтузиазмом напомнил Каллахан.

— Нет.

Каллахан моргнул.

— Вчера был?.. — спросил он уже с лёгким недоумением.

— Сегодня нет.

Дверь захлопнулась.

Каллахан несколько секунд смотрел ему вслед с таким выражением, будто из идеально выстроенного плана только что самовольно исчез один из ключевых элементов. Затем воодушевление вернулось на его лицо.

— Удивительная скорость принятия решений, — заметил он почти с восхищением.

— Я тоже могу так, — сказал Джек.

Он сделал шаг к двери.

Каллахан посмотрел на Джека, и в его улыбке мелькнула почти детская хитрая радость.

— У тебя есть машина.

Джек остановился.

— Форма-а-ально, — протянул он с виноватой улыбкой.

Каллахан улыбнулся ещё шире, уже явно понимая, куда ведёт разговор.

— Ты приехал на ней.

Джек посмотрел на выход. Машина была видна сквозь стекло.

— Это ещё ничего не доказывает.

Каллахан расправил лист на стойке. Пока он говорил, палец чертил вокруг адреса круги всё большего радиуса.

— Представь, — сказал он. — Человеку больше не нужно приезжать за пиццей.

— Звучит ужасно.

— Пицца приезжает к человеку.

Джек некоторое время молча смотрел на него.

— Вы только что изобрели мальчика на велосипеде.

— Нет. Я говорю о системе.

— Мальчики тоже иногда работают системно.

Каллахан уже не слушал.

Он прошёлся вдоль стойки, оживляясь с каждым шагом.

— Радиус обслуживания. Новые районы. Заказы после закрытия. Семьи, которым не хочется выходить из дома. Молодёжь. Вечерние мероприятия. Возможно, офисы.

— Ночью?

— Мир не прекращает хотеть пиццу в десять вечера.

— Наш повар прекращает.

— Пицца уже готова.

Каллахан забрал коробку с кухонной полки, где она стояла под лампой подогрева, и поставил перед Джеком.

Джек посмотрел на коробку.

Коробка посмотрела на него настолько выразительно, насколько вообще может смотреть картон.

— Нет.

Каллахан не убрал коробку.

— Нет, — повторил Джек.

Каллахан аккуратно положил рядом адрес.

— Я заканчиваю смену.

— Конечно.

— Я собирался домой.

— Разумеется.

— У меня есть планы.

Каллахан посмотрел на него с лёгкой почти сочувственной грустью и молча подвинул адрес ближе.

Это было враньё: никаких планов у Джека не было.

Он собирался доехать домой, найти в холодильнике что-нибудь, не требующее приготовления, и, возможно, полчаса полистать каталог колледжа, который лежал на столе уже третий месяц. В каталоге было достаточно профессий, чтобы человек мог построить жизнь, и ни одной, которая вызывала у Джека желание немедленно этой жизнью заняться.

Работа в Rocket Pizza должна была быть временной. Джек хотел накопить на колледж. С деньгами всё было хотя бы понятно. Гораздо хуже было то, что он до сих пор не знал, зачем именно ему туда поступать.

Пока он понемногу откладывал деньги и столь же понемногу откладывал само решение.

Он вздохнул.

— Кто заказал?

Грусть исчезла с лица Каллахана так быстро, словно её там и не было. Он снова расплылся в улыбке.

— Вот это правильный настрой.

— Я спросил, кто заказал.

— Неважно. Клиент.

— Далеко?

— Три и восемь десятых мили.

Джек медленно повернул голову.

— Вы уже посчитали?

Каллахан сложил руки на груди и чуть заметно выпрямился, явно довольный предусмотрительностью собственного плана.

— Разумеется.

— Зачем вы вообще это считали?

— Нужна исходная точка для определения эффективного радиуса доставки.

Это был тот момент, когда разумный человек должен был снять фартук и уйти вслед за Томом.

Джек посмотрел на коробку ещё раз.

Потом на адрес.

Потом на совершенно счастливого мистера Каллахана.

— Ладно, — сказал он. — Давайте сюда.

Каллахан протянул ему коробку с таким видом, будто передавал ключи от экспериментального самолёта.

— Осторожнее на поворотах.

— Это пицца.

— Пицца превыше всего.

Джек сунул адрес в карман и направился к двери.

Уже взявшись за ручку, он услышал за спиной:

— И запомни время прибытия!

Джек обернулся.

— Зачем?

Каллахан стоял под мигающей неоновой ракетой, серьёзный и воодушевлённый.

— Для фиксации фактического времени прохождения маршрута и последующего сравнения с расчётным.

Джек посмотрел на него ещё секунду, слегка растерявшись перед абсолютной серьёзностью этого требования.

— Конечно, — произнёс он уже не так уверенно.

Он вышел на улицу.

Так началась первая в истории Rocket Pizza доставка.

Никто из присутствовавших тогда не предполагал, насколько далеко в итоге зайдёт эта идея.

* * *

На следующее утро Каллахан уже успел превратить это событие в историю.

Джек понял это ещё до того, как снял куртку.

На доске у кухни, где обычно висели смены, цены на продукты и угрожающая записка НЕ БРАТЬ ПЕППЕРОНИ РУКАМИ, появился новый лист. Вверху крупными буквами было написано:

МОБИЛЬНАЯ СИСТЕМА ДОСТАВКИ ROCKET PIZZA

ПОЛЕВОЕ ИСПЫТАНИЕ №1

Ниже шла таблица.

— Нет, — сказал Джек.

Каллахан, стоявший рядом с доской, сиял.

— Вчера вечером была успешно подтверждена работоспособность мобильной системы доставки Rocket Pizza на дистанции три целых восемь десятых мили.

— Я просто отвёз коробку пиццы.

— Именно. В реальных полевых условиях.

— Я ехал по Мейпл-стрит.

— Дорожная сеть является частью полевых условий.

Джек посмотрел на таблицу. Там имелись графы «время отправления», «время прибытия», «расстояние», «температурная устойчивость продукта» и ещё одна, подписанная «замечания пилота».

— Пилота?

— Термин рабочий.

— Нет.

— Я открыт для предложений! — с неподдельной радостью сказал Каллахан, будто Джек только что всерьёз включился в обсуждение проекта.

— «Парень, которому не повезло».

Каллахан кивнул так, словно действительно обдумал вариант.

— Слишком длинно для формы.

Он перевернул лист и показал Джеку карандашный рисунок человека в круглом прозрачном шлеме. На груди у человека была ракета. За спиной — два баллона.

Джек несколько секунд изучал рисунок.

— Что это?

— Концепция.

— Это баллоны?

— Кислородные, — охотно подтвердил Каллахан. — Но настоящие нам, конечно, ни к чему. Можно взять два огнетушителя, перекрасить — издалека никто не заметит.

Джек медленно перевёл взгляд с рисунка на Каллахана. Тот говорил совершенно серьёзно.

— Они подключены к шлему.

Каллахан посмотрел на рисунок внимательнее.

— Это ранняя версия.

— Я не буду это носить.

— Мы ещё даже не обсуждали форму.

— Мы только что её обсудили.

— Rocket Delivery Corps, — задумчиво произнёс Каллахан.

Каллахан положил рядом с рисунком ключи от своего седана.

— Сегодня поедешь на моей. Я уже поставил вывеску.

— На крыше?

— Она съёмная.

Джек выглянул в окно. Над машиной Каллахана торчала маленькая ракета с надписью ROCKET PIZZA. Седан хозяин купил всего месяц назад и до сих пор парковал подальше от остальных, чтобы не поцарапали дверьми.

— И не гони, — добавил Каллахан. — Машина новая.

Джек взял ключи и коробку с очередным заказом.

— Куда?

— Колледж. Восточный корпус.

— Отлично.

— Джек.

— Я уже ушёл.

— Джек, мы должны обсудить рабочий радиус!

Дверь захлопнулась раньше, чем Каллахан успел достать второй лист. Джек оглянулся через стекло: хозяин уже разложил бумагу на стойке и что-то быстро чертил, прекрасно обходясь без его участия.

* * *

Слово «колледж» обычно оставляло у Джека лёгкое неприятное чувство. Скорее стыд: большинство его ровесников уже учились, строили планы и хотя бы делали вид, что знают, куда идут дальше. А он пока возил пиццу и листал один и тот же каталог по вечерам. В этот раз все эти мысли исчезли примерно в тот момент, когда он увидел Бетти Картер.

Она стояла у края спортивной площадки вместе с несколькими девушками из команды, уже после тренировки. Белый свитер был наброшен на плечи, волосы собраны лентой, в руке бутылка газировки. Бетти смеялась над чем-то, что сказала одна из её подруг, и выглядела так, будто принадлежала к той части жизни, где люди всегда знали, куда идут вечером, в какой колледж поступят и что ответят, если их внезапно спросят о будущем.

Джек поймал себя на том, что уже несколько секунд просто смотрит на неё. Бетти нравилась ему уже достаточно давно, чтобы он успел выработать целую систему ухода от этой проблемы: заметить её, забыть половину подготовленных слов и вспомнить какую-нибудь очень

важную причину срочно заняться чем-то другим. Рядом с ней эта система почему-то срабатывала почти безотказно.

На этот раз он поставил коробку на крышу машины и решил, что хватит. Сейчас самое время пригласить её в кино.

Он репетировал это мысленно уже около двух недель.

Привет, Бетти. Ты свободна в пятницу?

Просто. Надёжно. Почти невозможно испортить.

Она заметила его первой.

— Джек?

Он этого почему-то совсем не ожидал. Джек коротко кашлянул, будто это могло вернуть ему заранее отрепетированные слова.

На этом тщательно подготовленная операция закончилась.

— Прииивет, — неуверенно протянул он, сам слыша, насколько хуже это прозвучало вслух.

Бетти подошла ближе и посмотрела на коробку.

— Ты теперь здесь работаешь?

Джек машинально потёр шею и улыбнулся чуть шире, чем требовала ситуация.

— Нет. То есть да. Наверное… Я теперь занимаюсь доставкой.

Что со мной не так?

Она посмотрела на надпись ROCKET PIZZA.

— Пиццы?

— Пока да.

Бетти моргнула.

— Ну… поздравляю.

— Спасибо.

— Это повышение?

— Каллахан считает, что да.

Бетти улыбнулась уже совершенно искренне.

— Тогда правда поздравляю.

Кто-то окликнул её со стороны парковки.

— Мне пора. Увидимся, Джек.

— Ага. Увидимся.

Она ушла.

Джек постоял ещё немного рядом с машиной.

Потом тихо сказал:

— Великолепно.

* * *

Когда он вернулся в Rocket Pizza, Том встретил его у кухни.

— Ну?

— Что?

— Ты пригласил её?

Джек положил пустой термочехол на стойку.

— Почти.

— Насколько почти?

— Она теперь знает, что я доставляю пиццу.

Том задумался на секунду, потом усмехнулся.

— На свадьбу позовёте?

— Заткнись.

* * *

К вечеру доставка перестала казаться Каллахану экспериментом и начала казаться ему судьбой.

Три заказа ушли в соседние кварталы, один — к автосервису у шоссе, ещё один — к семье, которая жила настолько близко, что Джек видел их дом из окна пиццерии и считал это личным оскорблением. Когда ему показали адрес, он несколько секунд смотрел на бумажку с выражением человека, которому день и без того уже подкинул достаточно ерунды. Потом перевёл взгляд на дом за окном — вы издеваетесь? — и молча провёл большим пальцем по горлу в его сторону. Том прыснул со смеху.

В половине девятого Каллахан вышел из подсобки с очередным адресом.

— Вот он.

Джек, протиравший стойку, не поднял головы.

— Кто?

— Максимальный эффективный радиус.

Это заставило его посмотреть.

Каллахан положил бумажку на стойку.

Адрес был почти у городской черты, в той части окраины, где фонари стояли реже, а между домами уже появлялись пустые участки и заросшие поля.

— Нет.

— Ты ещё не услышал предложение.

— Уже темно.

— Ночь — отличная возможность проверить систему в условиях ограниченной видимости.

— Это не научный прогресс.

— Именно так говорили о многом.

— О доставке пиццы так никто не говорил.

Каллахан просиял.

— Значит, когда-нибудь о нас скажут первыми.

У дальнего столика женщина помогала маленькому мальчику надеть куртку. Мальчик, услышав адрес, резко повернулся, вытянул руку и без всяких сомнений ткнул пальцем в сторону стойки.

— Мама, это же тот человек, который с Марсом разговаривает!

— Билли!

В зале на секунду стало тише. Где-то у стены кто-то негромко хмыкнул, а за соседним столиком коротко рассмеялись.

Женщина натянула сыну шапку почти до бровей.

— Профессор Харгроув просто занимается астрономией, — сказала она с той уверенностью, с какой говорят о вещах, в которых не разбираются совершенно. — Или астрологией. Ну, звёздами.

— Папа говорил, он работал на каком-то секретном месте.

— Папа много чего говорит.

Билли посмотрел на Джека с восторгом, обычно предназначенным пожарным машинам и людям, которым предстояло сделать что-то очень опасное.

— Он правда разговаривает с Марсом.

— Отлично, — сказал Джек. — Может, Марс даст чаевые.

Мать Билли бросила на него извиняющийся взгляд и поспешно вывела сына наружу.

Каллахан подвинул адрес ближе.

— Видишь? Уже есть общественный интерес.

— Нет.

— Джек.

— Нет.

* * *

Через пятнадцать минут Джек ехал по тёмной дороге с большой пиццей на соседнем сиденье.

Он не считал это поражением.

Он считал это временной неспособностью достаточно убедительно отказывать.

Центр города остался позади быстро. Фонари стали попадаться реже, дома разошлись дальше друг от друга, между ними появились пустые участки, сухая трава и низкие ограды. Впереди всё ещё время от времени горели окна. Из радиоприёмника негромко звучала музыка; пару раз песню прерывал местный диктор с прогнозом погоды и короткими вечерними новостями, после чего оркестр снова возвращался будто ничего не произошло.

Дом Харгроува Джек увидел задолго до нужного поворота.

Не потому, что он был большим.

Потому что над ним торчало слишком много металла.

На крыше стояли две антенны. За домом поднималась тарелка, похожая на недостроенную радиолокационную установку. Между столбами были натянуты провода, один из которых уходил к какой-то раме в саду. В нескольких окнах горел свет, а рядом с сараем — или лабораторией, или чем бы оно ни было — мигала красная лампа.

Джек припарковался у калитки.

— Ну, пошли, — сказал Джек коробке.

На крыльце обнаружился обычный дверной звонок.

Это немного успокаивало.

Джек нажал кнопку.

Из глубины дома донеслось:

БЗЗЗТ.

Потом — КРАК.

Одно из окон вспыхнуло резким голубым светом. Внутри что-то зазвенело, затем с грохотом рухнуло на пол, следом посыпалась короткая очередь мелких ударов, будто со стола разом смахнули половину лаборатории. Где-то жалобно завыл прибор и тут же захлебнулся тишиной.

Джек убрал палец с кнопки.

Подождал.

Никто не открыл.

Он нажал снова.

БЗЗЗЗТ — КРАК!

— Не звоните! — донёсся из дома высокий, сорванный почти до хрипа крик.

Джек посмотрел на дверь.

— У вас пицца!

Тишина.

Он подождал ещё несколько секунд и снова нажал кнопку.

На этот раз вспышка была ярче.

— Я сказал, не звоните! — Голос Харгроува на последних словах сорвался почти в визг.

— Тогда откройте!

Что-то загремело. Кто-то, судя по звукам, прошёл через половину дома, задел мебель и едва не упал.

Дверь распахнулась.

Перед Джеком стоял худой мужчина лет шестидесяти с лишним. Седые волосы торчали в разные стороны. Очки сидели криво. Рукава рубашки были закатаны до локтей, поверх жилета он зачем-то носил старый лабораторный халат с пятнами и маленькой подпалиной у кармана.

Он не выглядел безумным.

Он выглядел человеком, который последние несколько часов последовательно забывал обо всём, кроме одной вещи.

— Который час?

— Что?

— Время. Точное.

Джек взглянул на часы.

— Девять ноль две.

Харгроув вытащил из кармана карандаш и записал что-то на обороте конверта.

— Девять ноль две… хорошо.

Только после этого он заметил коробку.

— А. Да. Пицца.

— Обычно с неё начинают.

— Войдите на минуту. Я найду деньги.

— Я могу подождать здесь.

Но профессор уже исчез в доме.

Джек посмотрел на тёмный двор. В кустах у забора на секунду блеснули два красноватых огонька. Он успел лениво подумать, что они удивительно напоминают одну старую местную байку про тварь, которая будто бы бродит по окраинам по ночам.

Потом огоньки моргнули.

Джек ещё раз посмотрел на них, затем на открытую дверь.

Внутри внезапно показалось уютнее.

— Конечно, — сказал он и вошёл.

Если снаружи дом Харгроува выглядел странно, то внутри он хотя бы переставал притворяться обычным.

Джек неспешно двинулся следом за профессором, разглядывая всё вокруг.

Гостиная больше напоминала лабораторию, которая постепенно вытеснила из дома нормальную жизнь. Вдоль стен стояли стойки с аппаратурой: осциллографы мерцали зелёными линиями, катушки магнитной ленты медленно вращались, лампы на старых военных блоках мигали разными ритмами. На одном столе лежала разобранная плата рядом с паяльником и клубком проводов, на другом — недоеденный сэндвич на тарелке поверх каких-то расчётов. Между приборами стояли самодельные модели антенн и странная конструкция из металлических колец, назначение которой Джек даже не стал угадывать.

На стенах висели карты Марса, фотографии кратеров, спектральные графики и длинные листы с цифрами, соединёнными стрелками. Из маленького динамика в углу тихо играла музыка, но провод от него уходил не к обычному радио, а в стойку с приёмником и осциллографом, зелёная линия которого лениво двигалась почти в такт мелодии.

Между двумя схемами висела старая чёрно-белая фотография.

Молодой Харгроув стоял на ней среди людей в форме рядом с огромной антенной.

— Вы были военным? — спросил Джек.

Из соседней комнаты донеслось:

— Нет.

Пауза.

— Они были.

Профессор вернулся, перебирая содержимое бумажника.

— У меня где-то были мелкие.

— Не спешите.

— Я не спешу.

В этот момент он уронил две монеты, наклонился за ними и едва не стукнулся головой о край стола.

Джек решил не спорить и снова посмотрел на карту Марса.

— Вы правда разговариваете с Марсом?

Харгроув как раз нашёл купюру и на секунду замер.

Профессор поднял голову. На лице мелькнуло тихое разочарование — не злость и не обида, скорее усталость человека, который слишком много раз слышал один и тот же вопрос.

— Пока только я.

Джек не сразу понял, шутка это или нет.

И тогда один из приборов щёлкнул.

Разочарование исчезло с лица Харгроува мгновенно.

Харгроув застыл.

Щёлк.

Пауза.

Щёлк-щёлк.

Пауза.

Щёлк.

Деньги остались в его руке.

— Что это? — спросил Джек.

Харгроув уже не слушал.

Он бросился к стойке у окна. Плечом задел стул; тот качнулся, скрипнул и с грохотом опрокинулся за его спиной. Харгроув даже не обернулся. Повернул два переключателя. Зелёная линия на одном из экранов дрогнула. На бумажной ленте застучал самописец.

Щёлк.

Щёлк-щёлк.

Щёлк.

— Нет, — тихо сказал Харгроув.

Он подкрутил частоту.

Сигнал исчез.

Профессор замер.

Вернул ручку назад.

Щёлк.

Щёлк-щёлк.

Щёлк.

— Нет-нет-нет…

Джек осторожно поставил коробку на свободный край стола.

— Всё нормально?

Харгроув схватил карандаш и записал несколько чисел. Проверил шкалу. Потом ещё одну.

— Направление совпадает.

— С чем?

Профессор наконец вспомнил, что в комнате находится другой человек, и сунул ему купюру.

— Спасибо.

Джек посмотрел на деньги.

— Тут больше.

Ответа не последовало.

— Ладно. Оставлю сдачу как вклад в науку.

Харгроув уже склонился над прибором.

Джек постоял секунду, но любопытство проиграло желанию избежать ночи в доме человека, который разговаривал с планетами.

Он направился к двери.

На крыльце снова посмотрел назад.

Профессор стоял посреди комнаты, освещённый зелёным свечением приборов, и больше не выглядел рассеянным.

Теперь он выглядел испуганным.

Джек закрыл дверь.

* * *

Харгроув не услышал, как машина завелась и уехала.

Он слышал только сигнал.

Семь импульсов.

Пауза.

Одиннадцать.

Пауза.

Тринадцать.

Потом последовательность повторялась.

Харгроув потянулся к нижнему ящику, но не сразу сумел схватить ручку ящика. Пальцы дрожали. Внутри лежала старая серая папка с выцветшим штампом федерального проекта.

Из динамика снова пришли семь импульсов, затем одиннадцать и тринадцать. Профессор положил папку рядом с бегущей бумажной лентой.

На стол упала монета, которую он держал в другой руке. Харгроув не заметил.

Глава 2. Сигнал

Харгроув не услышал, как седан Каллахана скрылся за поворотом. Вся комната будто сузилась до одного звука — сухого ритма из динамика: семь импульсов, пауза, одиннадцать, снова пауза, тринадцать. Потом последовательность начиналась сначала.

Ещё вечером Харгроув мог бы просидеть перед таким сигналом всю ночь, почти не замечая времени. Теперь тот же ритм давил на него с каждым повтором всё сильнее. Он выключил передатчик — ничего не изменилось. Отключил выход передатчика от антенны — приёмник продолжал выдавать тот же ритм. Тогда Харгроув резко повернул антенну в сторону и замер, глядя на стрелку прибора. Уровень упал. Вернул её назад — стрелка снова поползла вверх.

Его передатчик не мог быть источником помех.

— Нет, — тихо сказал Харгроув пустой комнате.

Не потому, что сигнала не было. Хуже: он был совершенно реальным.

Харгроув проверил частоту, затем вторую гармонику, затем задержку между импульсами. Он записывал цифры на полях старого конверта, потом понял, что пишет поверх собственного списка покупок, отбросил конверт и схватил блокнот.

Через двадцать минут на столе лежали три ленты, два листа расчётов и раскрытая серая папка.

На обложке выцвел штамп закрытого федерального проекта.

Под ним — дата двадцатитрёхлетней давности.

Харгроув раскрыл папку на странице, которую помнил лучше, чем некоторые лица.

Пятнадцать импульсов.

Пауза.

Пять.

Пауза.

Повтор.

Старый паттерн был не тем же самым, но родственным. Та же архитектура. Та же аккуратная повторяемость. Тот же способ отделять один блок от другого.

Шум так себя не вёл.

Статистическая ошибка не возвращалась каждый раз, когда Марс поднимался над горизонтом.

Дефект оборудования не менял структуру вместе с положением планеты.

Он знал это тогда.

Теперь знал наверняка.

— Я был прав, — сказал Харгроув.

Он улыбнулся.

Улыбка держалась всего несколько секунд.

— Господи… я был прав.

И память сама вернула его туда, где всё началось.

* * *

Тогда у него ещё не было седых волос, домашней антенны во дворе и репутации человека, который говорит с планетами.

Был закрытый объект в пустыне: бетонные корпуса, длинные коридоры и кофе, который начальство закупало оптом дешевле. Зато на аппаратуру денег не жалели — а потом ревниво считали каждую минуту её работы.

Харгроув работал там гражданским специалистом и к форме отношения не имел. Его задачей были данные: длинные ряды чисел, графики, отметки времени, уровни сигнала — всё то, от чего у большинства людей через десять минут начинали болеть глаза. Харгроуву,

наоборот, было легче среди цифр, чем среди людей. Он умел замечать крошечные отклонения там, где остальные видели обычный шум.

И однажды такое отклонение не исчезло после первой проверки.

Аномалия впервые появилась в массиве данных дальнего наблюдения как слабый повторяющийся блок. Харгроув заметил его почти случайно, отметил карандашом и попросил прогнать участок ещё раз. При повторной обработке появился второй такой же фрагмент.

Сначала никто не смеялся. Коллеги отнеслись к находке так, как и должны были относиться нормальные специалисты: проверили приёмную аппаратуру, сравнили данные с другим каналом, пересчитали обработку и подняли журнал возможных помех. Второй приёмник показал похожую структуру. Ошибки в расчётах не нашли. Подходящего земного источника тоже.

На несколько недель аномалия стала вполне официальной загадкой. Харгроуву больше не приходилось ловить людей в коридоре с распечаткой в руках: они сами подходили к его столу, спорили, оставляли пометки. Однажды он обнаружил, что забыл остывший кофе и весь день ничего не ел. Домой ушёл почти счастливым. Дело было даже не в том, что ему поверили. Теперь находку проверяли вместе с ним.

Потом сигнал исчез.

Без новых данных загадка быстро превратилась в пункт старого отчёта, а затем — в то, на что уже жалко было тратить дорогое время оборудования. Только Харгроув продолжал ждать его возвращения.

Начальство решило, что доказательств слишком мало. Интерференция, статистическая редкость, неучтённое атмосферное явление — вариантов было достаточно, чтобы не отдавать под один странный паттерн сотни часов дорогого оборудования.

Харгроув продолжал следить за аномалией даже после закрытия темы. Поначалу он действовал совершенно официально: подавал заявки на дополнительные окна наблюдения, прикладывал расчёты и снова объяснял, почему совпадение с положением Марса заслуживает хотя бы ещё одной проверки. Когда заявки начали возвращаться с отказами, он стал искать свободные минуты между основными задачами. А когда исчезли и они, начал пользоваться системой всякий раз, когда был уверен, что никому не помешает.

Однажды начальник вызвал его к себе и положил на стол последнюю заявку Харгроува.

— Уолтер, тему закрыли.

Харгроув подвинул к нему график.

— Мы её закрыли, но так и не объяснили, что это было.

— Я знаю.

Ответ прозвучал без раздражения, и от этого спорить стало только тяжелее. Начальник снял очки и потёр переносицу.

— Я не считаю тебя сумасшедшим и не говорю, что ты ошибаешься. Но у меня есть программа работ, люди ждут оборудование, и я не могу забрать у них двести часов ради сигнала, который появляется несколько раз в год.

— Если он искусственный, через год нас будут спрашивать, почему мы решили, что двести часов были слишком большой ценой.

Начальник посмотрел на график ещё раз.

— А если он не искусственный?

Харгроув помолчал.

— Тогда вы получите очень подробный отчёт о двухстах бесполезно потраченных часах.

Начальник вздохнул.

— Вот именно.

Некоторое время система держалась на мелких уступках. Кто-нибудь из операторов оставлял Харгроуву десять минут в конце смены. Иногда он успевал снять нужный участок в

свободное окно. Иногда Марс оказывался в подходящем положении именно тогда, когда аппаратура простаивала, и Харгроув воспринимал это почти как личную удачу.

Но свободных окон было мало, а терпения у него — слишком много.

Он начал задерживаться после смены. Несколько раз запускал обработку без отдельной заявки, уверяя себя, что всё равно никому не мешает. Когда пришло первое официальное предупреждение, он прочитал его дважды, дольше обычного подержал в руках, затем аккуратно сложил пополам и убрал в ящик стола. Бумага не заставила его передумать, но впервые сделала происходящее похожим не на научный спор, а на проблему с работой. После второго предупреждения его уже вызвали лично.

Начальник долго смотрел на журнал использования оборудования.

— Ты снова запускал систему вне своей задачи.

— Потому что сигнал вернулся ровно в расчётное окно.

— Уолтер, вопрос не в сигнале. Ты используешь федеральное оборудование без разрешения.

Харгроув указал на распечатку.

— Посмотрите на интервалы. Они совпадают с положением Марса уже в третий раз.

— Я смотрю не на Марс. Я смотрю на журнал доступа.

Харгроув осёкся. В тот момент он впервые понял, что они уже спорят о разных вещах.

После этого охрана получила новый список допуска. В первый вечер Харгроув привычно показал пропуск у двери аппаратной, но сержант не отступил. Сверился с листом на планшете и попросил сдать ключ. Харгроув ещё несколько секунд держал связку в руке, словно происходило какое-то недоразумение. Затем его убрали с задач, где он мог самостоятельно распоряжаться временем приёмной аппаратуры. Коллеги всё реже соглашались «дать десять минут», потому что десять минут вокруг Харгроува почему-то всегда превращались в сорок. Он замечал, как люди начинали избегать его взгляда ещё до того, как он успевал попросить.

Последний разговор прошёл почти спокойно. Ему предложили вернуться к обычной работе, прекратить самостоятельные наблюдения и оставить аномалию закрытой темой. Харгроув ответил, что не может сделать вид, будто ничего не видел.

Через несколько недель он написал заявление.

На бумаге это выглядело добровольным уходом. В действительности обе стороны прекрасно понимали, что возвращаться ему уже некуда.

Тему Харгроув не бросил. Просто теперь у него не было ни федеральной антенны, ни команды операторов, ни бюджета. Пришлось начинать заново.

Годы после программы превратились в долгую сборку собственной лаборатории. Денег на оборудование уровня федерального объекта у Харгроува, разумеется, не было, зато были знакомые, терпение и почти болезненная готовность чинить всё, что другие уже считали хламом.

Списанный усилитель он выменял у радиолюбителя. Старую военную стойку купил на распродаже списанного армейского имущества; доставка обошлась дороже самой стойки, а затаскивать её в дом пришлось два дня, по частям. Осциллографы пришлось ремонтировать самому. Первую антенну он перестраивал трижды, пока не признал, что конструкция в принципе недостаточно чувствительна, и не начал вторую. Позже во дворе появилась тарелка, из-за которой соседи окончательно перестали задавать вопросы.

Когда приём стал достаточно стабильным, Харгроув сделал следующий шаг — собрал передатчик.

Сначала только для проверки оборудования.

Потом — чтобы однажды ответить.

Отправлять слова не имело смысла. Если на другом конце действительно существовал разум, английский был для него таким же шумом, каким марсианская речь была бы для Хар-

гроува. Поэтому он отвечал единственным языком, который считал достаточно нейтральным: числами и структурой.

Передача начиналась с простых последовательностей, затем усложнялась. Харгроув повторял интервалы старого сигнала, менял их по понятному математическому правилу, возвращал части принятых пакетов в изменённом виде. Он не пытался сказать «здравствуйте». Он пытался показать, что на другой стороне кто-то заметил закономерность и способен продолжить её.

Это больше походило не на письмо, а на осторожный стук в закрытую дверь.

Семь лет Харгроув стучал.

Ответа не было.

До этой ночи.

* * *

Он вернулся к свежей ленте и снова провёл пальцем по первой группе импульсов. Теперь сомнений почти не оставалось: незнакомый источник взял часть его последней передачи и вернул её обратно с правильным продолжением. Харгроув невольно повернулся к двери, словно в соседней комнате ещё мог оказаться человек, которого стоило позвать. Дом был пуст. Он придвинул лампу и положил старую ленту рядом с новой, аккуратно совместив края. Все прежние отказы, сломанные приборы и годы ожидания вдруг уместились между этими двумя полосками бумаги.

Это было подтверждение — не словом, а действием.

Второй блок оказался сложнее.

Он сперва принял его за координаты источника марсианской передачи.

Проверил.

Нет.

Пересчитал.

Снова нет.

Он взял карту Солнечной системы, затем астрономический справочник.

Цифры указывали не туда.

Точнее — сюда.

На Землю.

Харгроув медленно выпрямился.

Следующая группа уточняла положение. Сначала настолько грубо, что Харгроув ещё мог убедить себя в совпадении. Затем масштаб сузился до континента, после — до региона.

Он перестал дышать на несколько секунд и пересчитал всё сначала.

Результат не изменился.

Ещё один блок сужал область почти до города. Последний указывал уже не на абстрактную Землю и даже не на страну, а на крошечный участок карты, внутри которого находился его дом.

Ладони стали холодными.

Не потому, что он когда-то отправил им адрес.

Потому что они годами слышали его передачи из одного и того же места.

И вычислили источник.

Харгроув посмотрел на антенну за окном.

— Всё ждал, когда они ответят, — произнёс он. — А они выясняли, откуда я передаю.

Оставался временной блок.

С ним всё было хуже.

Первый расчёт временного блока дал результат, который Харгроув сразу отбросил как ошибочный. Он пересчитал его на другом листе, затем проверил единицы и вернулся к исходным импульсам, ожидая найти пропущенный множитель или неверно выбранный масштаб.

Ничего.

Он проделал всё ещё раз — медленнее, уже не доверяя собственным рукам.

Число осталось прежним.

Харгроув отодвинул стул и встал.

Ошибка была не в арифметике.

Ошибка была в предположении о том, как быстро кто-то способен пересечь межпланетное пространство.

Если блок означал то, что он думал, времени почти не оставалось.

Харгроув схватил телефон.

Номер он помнил наизусть, хотя не звонил по нему много лет.

На другом конце ответил спокойный мужской голос.

— Дежурная служба.

— Доктор Уолтер Харгроув. Мне нужно связаться с руководителем отдела дальнего наблюдения.

Пауза.

— Харгроув… Тот самый Харгроув?

Харгроув закрыл глаза.

— Боюсь, что да.

— Который взорвал сарай?

— Это было лабораторное строение.

— В отчёте написано «сарай».

— Сейчас это совершенно несущественно.

На том конце послышался шелест бумаг.

— Доктор Харгроув, сейчас ночь.

— Я в курсе.

— Что случилось?

— Сигнал вернулся.

Тишина стала чуть внимательнее.

— Какой сигнал?

— Тот самый.

— Доктор Харгроув…

— Он содержит координаты Земли. Моего региона. Моего передатчика. И подтверждение маршрута.

— Вы использовали оборудование объекта?

— Нет! Всё оборудование моё.

Пауза.

— Хорошо. Передайте материалы утром, я зарегистрирую сообщение и…

— Утром может быть поздно.

— Я понимаю, что вы обеспокоены.

— Соедините меня с начальником отдела. Сейчас. Если он дома, звоните домой. Я объясню ему сам.

На другом конце стало тихо.

Потом голос ответил уже без тени иронии:

— Я передам информацию дежурному руководителю сейчас.

Харгроув сжал трубку.

— Спасибо.

— И доктор Харгроув?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.